Осрамились.

(*Посвящается Сергѣю Павловичу Корбутовскому*).

Бѣгутъ года ... За ними вслѣдъ
Надежды наши исчезаютъ.
Былымъ мечтамъ возврата нѣтъ;
Они какъ снѣгъ подъ солнцемъ таютъ!..
А. Пукиревъ.

Много и мы надеждъ возлагали на минувшую осень!.... Страшно хотѣлось намъ въ этомъ году взять какъ можно больше волковъ, и желаніемъ этимъ руководила не одна только охотничья страсть, но и нѣкоторыя соображенія, близко касающіяся матеріальныхъ средствъ нашего Саратовскаго Кружка Охоты.

Какъ я уже сообщалъ, три года тому назадъ земство Саратовскаго уѣзда нашло нужнымъ, въ видѣ опыта, ассигновать сумму въ 300 руб. на уничтоженіе волковъ по своему уѣзду, и большинство гласныхъ высказало желаніе, чтобы деньги эти были предоставлены въ распоряженіе, существующаго въ Саратовѣ, Кружка охоты и чтобы уѣздная управа, совмѣстно съ уполномоченными Кружка, выработала правила способа расходованія этихъ денегъ.

Это постановленіе земскаго собранія было приведено въ исполненіе тогда-же и выработаны извѣстныя правила, но всѣхъ трехсотъ рублей, какъ я уже сказалъ выше, ассигнованныхъ въ видѣ опыта и притомъ лишь на одинъ годъ, въ виду того, что районъ охоты Кружка очень ограниченъ, волчьихъ выводковъ въ этомъ районѣ, годъ отъ году, становится меньше и земскія деньги тратились очень осмотрительно (исключительно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ островѣ былъ вѣрный выводокъ волковъ),—денегъ этихъ Кружку хватило на три года.

Каждогодно Кружкомъ представлялся въ управу отчетъ въ израсходованной суммѣ, съ подробнымъ указаніемъ на что именно истрачено и сколько, какое количество волковъ уничтожено и въ какихъ именно островахъ они взяты. Управа, въ свою очередь, составляла по этому вопросу докладъ и представляла его каждогодно на усмотрѣніе очереднаго земскаго собранія, но земское собраніе до сей поры такъ и не читало ни разу этихъ докладовъ.

Распространился о семъ я потому, что г. Каменный Гость, въ своемъ Саратовскомъ Листкѣ,—постоянно нападая на Кружокъ, между прочимъ упрекаетъ его, что будто, въ истраченныхъ земскихъ деньгахъ, Кружокъ до сихъ поръ такъ и не далъ еще отчета.

Такъ какъ прошлые 2 года, по независящимъ отъ Кружка обстоятельствамъ, количество собственно взятыхъ волковъ было невелико, доклады земствомъ не читались и надо было предполагать, что на собраніи нынѣшняго года будутъ читаться непремѣнно, то намъ и хотѣлось къ этому предстоящему собранію, это количество взятыхъ волковъ елико возможно увеличить.

Намъ это было угодно, а судьбѣ было угодно сдѣлать такъ, что въ осень 84 г., въ районѣ охотъ Кружка, волчьяго выводка подвыто не было ни единаго.

За то слышно было, что въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губ., отдѣляемомъ отъ Саратовскаго лишь Волгою, этотъ звѣрь просто пѣшкомъ ходитъ.

Ну, думаю, такъ какъ противъ рожна не попрешь, то земское хотѣніе надо по боку, слѣдуетъ отдаться всецѣло влеченію охотничьей страсти, и давай подбивать сотоварищей махнуть въ Новоузенскія степи.

Еще въ прошломъ году, по собраннымъ справкамъ, оказалось, что главный притонъ волковъ въ Березнякахъ.

Верстахъ во ста отъ Саратова и 35 (въ глубь степей) отъ селенія Ровнаго, Новоузенскаго уѣзда, расположеннаго на самомъ берегу Волги и населеннаго колбасниками, обрѣтается мѣстность, извѣстная подъ названіемъ «Березняки».

Березняки эти представляютъ изъ себя площадь около 30 квадратныхъ верстъ, перерѣзанную рѣчкою Ерусланомъ, покрытую безчисленнымъ множествомъ небольшихъ, преимущественно березовыхъ, колковъ (самый большой 4—6 дес. каз., а то $^1/_2$, $^1/_4$ и меньше),—множествомъ сухихъ и мокрыхъ лимановъ, поросшихъ частыми камышами и кугою, и изрытую разными котловинами, буграми, шиханами и тому подобными всевозможными неровностями.

Колокъ отъ колка отдѣляется, гдѣ маленькими, гдѣ большими полянками и перемычками. а гдѣ тянутся эти колки на версту и больше, чуть не сплошными островами. Кромѣ этихъ Березняковъ лѣсу нѣтъ верстъ на сто въ окружности, если не считать талы по займищу Волги, въ которыхъ звѣря тоже чертова пропасть.

Часть этой площади принадлежитъ казнѣ. Казенный лѣсъ находится въ вѣдѣніи особаго лѣсничаго и охраняется тремя лѣсниками, которые производить охоту, безъ билетовъ отъ лѣсничаго, воспрещаютъ довольно добросовѣстно.

Въ казенной части лѣсу больше и лѣсъ чаще. Косятся лишь лиманы да большія поляны, а по малымъ и всему почти лѣсу—бурьяны.

Травить по этимъ бурьянамъ почти нѣтъ никакой возможности. Мѣстами самому даже нельзя перевидѣть звѣря, не только что указать его собакамъ.

Вотъ въ эти-то Березняки мы и выступили 19 сентября 1884 года, простоявъ 6 дней на Шаловомъ хуторѣ и взявъ за все время лишь 2 лисъ, 1 русака, да во время дневки нѣсколько штукъ вальдшнеповъ, которыхъ нынче у насъ осенью было очень и очень много.

Выступили мы въ составѣ 5 своръ и 10 смычковъ гончихъ, при доѣзжачемъ Адріанѣ и мальчишкѣ Степкѣ вмѣсто выжлятника.

Ружейники-же рѣшили ѣхать на пароходѣ до Ровнаго и съ Ровнаго на лошадяхъ.

Первый переходъ до Подольскаго Умета (28 вер.) было рѣшено сдѣлать полями, стаю и фургонъ пославъ дорогою.

День былъ жаркій.

Люба для псоваго охотника заволженская степь!

Ровнота такая, что куда ни поверни—все кажется, что дорога, идя малость на изволокъ, упирается въ небо. Вотъ гдѣ скакать и травить то просторъ! не то что въ нашихъ горахъ—будь онѣ прокляты!

— Отчего это, Нелидъ Юличъ, у насъ горы, а тутъ ихъ нѣтъ?—пристаетъ Адріанъ къ Леониду Юльевичу.

— Да ты развѣ не знаешь?!—отзывается тотъ.

— Нѣтъ.

— А вотъ, братъ, отчего,—тутъ самъ Богъ сѣялъ, самъ и сравнялъ, а у насъ сѣялъ не Онъ.

— Отчего же это Онъ у насъ то не сѣялъ?!..

Ну ужъ за то бываетъ обидно и протравить здѣсь, и эту обиду намъ пришлось испытать на себѣ первый же день.

Такъ какъ собаки и лошади были совершенно свѣжія, рѣшили сдѣлать крюкъ, заѣхать на Саратовку (рѣчка), по которой въ прошломъ году нашли много лисицъ.

Заѣхали на Саратовку, проѣхали ею и не нашли ни шерстинки, хотя наѣзжали норы совершенно свѣжія и встрѣчные хохлы съ колбасниками разсказывали, что по лѣту лисицъ много видали, теперь же, послѣ уборки хлѣба, когда по полямъ пошелъ скотъ и молотьба на гумнахъ, лиса днемъ держится въ норахъ.

Только переѣхали Новоузенскій трактъ — капитанъ наѣхалъ русака.

Козыремъ вскочилъ старичина и не бѣжитъ всѣми ногами.

— Ото-то-то!

Разъ его Карай,—не захватилъ и бросилъ прямо въ зубы Сироткѣ, та расхватилась встрѣчу-то.

Видитъ русакъ, что не шутки съ нимъ шутятъ и полетѣлъ!

Еще разъ хорошо досталъ его Карай, потасовалъ, зарьялъ и сталъ отставать.

У меня собаки были безъ своры, тоже бросились на травлю, то та, то другая пробовали было присунуться да духу не хватало.

На берегу балки переднихъ русакъ обманулъ, тѣ пронеслись въ сторону и лишь Карай да, подмахавшаяся изъ своры моего охотника Хрисанфа, сука Ахитка, бывшіе позади, не стеряли.

Доскакавъ до балки и видя, что собаки стеряли, мы съ капитаномъ остановились, глядь — по ту сторону Карай съ Ахиткой ловятъ шельмеца, такъ его и катаютъ. Капитанъ опять толкнулъ, а я сталъ подсвистывать прометавшихся, которыя насилу насилу раздышались.

Много спустя вернулся капитанъ и безъ русака. Ушелъ злодѣй! а хохолъ, около гумна котораго капитанъ нашелъ собакъ, говорилъ, что собаки гарно ловили и «бисъ его знае якъ утикъ». Насилу отпоилъ капитанъ собакъ.

Второго русака наѣхалъ я. Догнали скоро, ловили отлично—такъ и жгли, но долго не могли захватить.

Въ особенности хорошо догоняла молодая (по первой осени) сука Злодѣйка. Только русакъ оторвется отъ собакъ—она мигомъ его догонитъ, скачетъ около него, а не беретъ. Гляжу, Юличъ подбросилъ.

Эхъ, думаю, досада!—Проклятая Сайга изъ зубовъ вырветъ. Анъ—не тутъ-то было! Просто на одномъ мѣстѣ катаютъ, такъ и замѣшали. Нѣтъ, выерзнулъ и опять катитъ межникомъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ собакъ. Духомъ Злодѣйка опять догонитъ, чуть голову на него не положитъ, а не беретъ. Опять замѣшаютъ и опять таже штука. Нѣтъ-то ужъ нѣтъ—подлая Злодѣйка объазартилась, схватила зайца и, прежде нежели успѣла бросить, остальныя накрыли.

— Ого-го-го!

— Ну, братъ, и рѣзва-же будетъ у тебя Злодѣйка, кричитъ запыхавшійся Юличъ.

Малость спустя изъ-подъ Андрея взбудился косой.

Первой приспѣла тоже молодая сука Танька и всѣ три собаки затасовали.

Потасовали молодецки, не захватили, русакъ сѣлъ на межникъ и птицей полетѣлъ.

Гляжу—псовые Ахитъ съ Танькой ужъ выдохлись и лишь полукрымскій Османъ зло лезетъ по межнику.

Ну, думаю, съ этимъ вѣдь шутки плохи!

Малость бы еще такъ самую понаддать Осману—и угонка, но вмѣсто этого онъ началъ сбавлять, сбавлять и почти совсѣмъ сталъ.

Тутъ ужъ всѣ побросали.

Вотъ Ахитка понатужилась, ласточкой замелькала мимо собакъ! вотъ ужъ добирается!.. такъ еще чуточку осталось!.. нѣтъ! и эта выдохлась.

Такъ ужъ и ушелъ послѣ того безъ угонки.

Зарьяли собаки до невозможности.

На другой день добрались до пруссаковъ (меноните).

Чисто какъ за границу попали. И строенія, и экипажи, и запряжка, и костюмы — все заграничное. Даже вся утварь домашняя изъ Пруссіи выписана.

Переночевали у менонитовъ въ селеніи Гансау у хромого Митрія, какъ окрестили охотники еще въ прошломъ году хозяина пруссака. По русски говоритъ нашъ Митрій подучился втеченіе года-то, а то въ прошломъ году ни слова не зналъ и понимать-то мало понималъ.

— Здорово Митрій! — привѣтствуетъ его Адріанъ. У те ночевать можно?

— Да, да, отвѣчалъ тотъ, только рига ушелъ.

— Какой рига такой у те тамъ еще ушелъ?

— Ню мой рига ушелъ, на которой вашъ лошадка стоялъ.

Оказывается, что Митрій ригу продалъ, въ которой прошлый годъ помѣщались у насъ лошади съ борзыми собаками, и говоритъ, что рига ушелъ.

Наконецъ миновали менонитскія поселенія, опять пошла «матушка Рассея» и въ третьемъ часу, 21-го сентября, дошли до Березовскаго хутора, расположеннаго на самой опушкѣ казенной части Березняковъ.

Оба дня проходили божественными мѣстами. Нервы все время были въ страшномъ напряженіи: такъ и казалось, что вотъ изъ-подъ самыхъ ногъ коня взбудится косой или впереди

загорится ползущая кумушка, но кромѣ нѣсколькихъ дрофъ такъ ничего и не видали.

Въ особенности же ужъ очень волновались всѣ, подходя къ самымъ Березнякамъ. Бурьяны пошли сплошные до самой опушки лѣса, норы свѣжія, такъ и пахнетъ звѣремъ!

Хуторяне очень обрадовались приходу охоты и наперерывъ спѣшили сообщить, что волковъ еще больше прошлогодняго (въ прошломъ году я тоже былъ въ Березнякахъ, — въ октябрѣ мѣсяцѣ, но, по случаю завернувшихъ сильныхъ холодовъ, ружейники надули, не пріѣхали. Поохотиться пришлось не болѣе одного дня. Борзятники мои страшно горячились въ этой проклятой мѣстности, гдѣ, надо полагать, тоже Богъ самъ не сѣялъ, мучили безъ толку лошадей и собакъ, тщетно стараясь указать звѣря и лишь я, скоро сообразивъ, что тутъ можно затравить лишь то, что придетъ тебѣ въ ноги, притаившись, затравилъ русака, лису, да волка) и они стали еще нахальнѣе.

Наканунѣ нашего прихода, около самаго хутора, волки съѣли цѣлую лошадь, а у другой выѣли весь задъ.

Обѣ лошади принадлежали нашему прошлогоднему знакомцу, бѣдному хуторскому пастуху, киргизу Семену, который сію же минуту, верхомъ съ неизмѣнной укрючиной (укрючина это палка съ ременной петлей; спеціальное назначеніе ея— ловля лошадей, и укрючина эта, въ рукахъ киргиза, составляетъ довольно грозное оружіе. Владѣютъ киргизы ею съ замѣчательной ловкостью, ловятъ даже лисицъ), разсказалъ, что, кромѣ вчерашнихъ лошадей, волки лѣтомъ съѣли у него нѣсколькихъ жеребятъ и началъ звать ѣхать немедленно «бурукъ ловить».

Оказывается «бурукъ» до того обнахалился, что давъ едва смеркнуться, является къ хутору и не только мелкую скотину, но даже лошадей и быковъ рѣжетъ.

Такъ какъ назавтра предполагалась дневка, то нынче подвывать рѣшили не ѣхать; однако когда смерклось, спать ложится оказалось рано, а дѣлать нечего, не вытерпѣли и хоть пѣшкомъ, но пошли. Отозвался только одинъ голосъ по направленію къ полю.

22-го утромъ, откормивъ собакъ, отправились, въ сопровожденіи полѣсового, осматривать мѣсто вывода. Песокъ изрытъ ужасно, слѣдовъ несмѣтное количество и тропы по всѣмъ направленіямъ, но за то и бурьяновъ еще больше прошлогодняго, и выводокъ въ такомъ разбросистомъ мѣстѣ, что и братъ не знай какъ. Травить отвратительно, вся надежда на то, чтобы побольше ружейниковъ пріѣхало.

Осмотрѣвъ все и изучивъ по возможности лучше эту рас-

проклятую мѣстность, рѣшилъ какъ взять, замѣтилъ гдѣ поставить стрѣлковъ и своры.

Вечеромъ отозвалось нѣсколько голосовъ, но не особенно много. Ружейниковъ пріѣхало 10 человѣкъ.

23-го выѣхали не рано. Разставлять стрѣлковъ я пошелъ пѣшкомъ, оставивъ лошадь у борзятниковъ, но собаки съ лошадью не остались, а послѣдовали за мною.

Не успѣли и 3 номеровъ поставить—видимъ бѣжитъ прибылой волкъ. Забѣжавъ за колочекъ, остановился и смотритъ на насъ. Давай махать борзятникамъ. Тѣ, не видя волка, конечно ничего не поймутъ. Наконецъ капитанъ смекнулъ, палъ на коня, выскакавъ на бугорокъ перевидѣлъ звѣря и не разбирая препятствій, какъ бѣшеный, шарахнулся въ догонку.

Всѣ борзыя кинулись сначала за нимъ было, но проскакавъ нѣсколько десятковъ саженъ и ничего не видя, вернулись и при капитанѣ остался лишь одинъ Карай. Конь подъ капитаномъ былъ рѣзвый, волкъ бѣжалъ не особенно торопливо и капитанъ духомъ догналъ его.

Увидя всадника, волкъ сталъ попроворнѣе метаться изъ колка въ колокъ и хоть самъ-то капитанъ не терялъ его изъ виду, но и Караю указать не могъ.

Наконецъ, въ опушкѣ одной кулижки собака помѣтила, бросилась въ колокъ, но на другую опушку выскочила уже одна и волка капитанъ даже стерялъ.

По мѣстамъ стоимъ уже давно. Солнце изрядно припекаетъ, а самому все холодно—лихорадка бьетъ. Господи, да что же это они не набрасываютъ?! вѣдь ужъ давно пора бы—и до послѣдней возможности напрягаешь слухъ. Чу! ужъ порсканіе слышно, ужъ подходятъ къ самому логову, а ни одна и не отзывается.

Стало быть не гонятъ и дѣло выйдетъ табакъ — рѣшаю. Вотъ правѣе меня одна собака тявкнула разъ-другой и смолкла и опять кромѣ однообразнаго порсканія Адріана, по которому можно судить, что и онъ въ отчаяніи, ничего не слышно.

Оглядываюсь, вправо—за котловиною волкъ сидитъ и преспокойно, такъ-же, какъ и я, слушаетъ порсканіе.

Толкаю туда и вынесшись на шиханъ вижу, что другой волкъ лежитъ около перваго.

Э л о д ѣ й к а помѣтила первая, сразу вырвалась изъ-за лошади, но въ этотъ же моментъ увидали насъ и волки, спустились трусцой въ слѣдующую котловинку и скрылись изъ глазъ.

Проѣхалъ эту котловинку, другую, третью—нѣтъ! Какъ словно сквозь землю провалились и сконфуженный ѣду назадъ. Слышу выстрѣлъ, затѣмъ другой—и гонъ. Подаюсь впередъ и

натыкаюсь на капитана, который, съ растеряннымъ видомъ, ищетъ что-то. Съ нимъ таже исторія, что и со мною: оглянулся вправо—волкъ сидитъ, толкнулъ за нимъ—исчезъ.

Еще выстрѣлъ и псари сбиваютъ стаю.

Оказывается: на Острожникова вышла перетока волчица, шумовая и онъ, выстрѣломъ въ голову, положилъ ее на мѣстѣ; мимо Федора Федоровича прошли два прибылыхъ, но — далеконько и онъ не сталъ стрѣлять; сынъ квартирнаго хозяина уснулъ и волкъ перепрыгнулъ чуть не черезъ него; Николай Андреевичъ стрѣлялъ по волку, котораго стая вела съ тылу, черезъ цѣпь, прогнавъ предварительно лису, по которой, хоть и не въ мѣру, но Митрофанъ Павловичъ все же ударилъ.

На Хрисанфа, котораго я поставилъ около лисьихъ норъ съ молодымъ кобелемъ и сучкой, вышло сразу 8 штукъ прибылыхъ—«всѣ какъ одинъ бѣленькіе». Одного изъ нихъ кобель съ разлету сшибъ было, но спустилъ.

Въ виду Андрея (совершенно въ противуположной сторонѣ) прошло 6 разомъ и потомъ седьмой поближе.

За этимъ онъ поскакалъ, проскакалъ до того, что лошадь ушами захлопала—и безъ толку.

Итого въ одномъ загонѣ видѣли 23 волка, а взяли единаго.

Отъ комментарій воздержусь, но не могу, чтобы не сказать, что гончія гнать не могли совершенно, такъ какъ песокъ раскалился, погони-же гончія и разговоръ былъ бы другой.

Послѣ завтрака, уже въ предпослѣдній набросъ, чуть не около самыхъ ногъ Адріанова мерина, стая добыла прибылого и съ ревомъ, навзрячь, повела его назадъ. Нѣкоторые борзятники бросились на гонъ, но Адріанъ, сдуру, тутъ же сбилъ. Малость спустя, вижу—капитанъ почему-то сбросилъ собакъ на маленькой поляночкѣ и это что-то собаки живо поймали было, потомъ спустили, опять поймали и опять спустили. Въ бурьянахъ не разглядѣвъ, я былъ увѣренъ, что капитанъ травитъ русака и мысленно, грѣшенъ, позавидовалъ той рѣзвости, съ которой собаки его обработали.

Моего Наяна капитану надоѣло таскать на сворѣ (ужъ и не любитъ водить на сворѣ собакъ капитанъ—бѣда какъ, хотя и частенько за эту нелюбовь и платится); послѣ закуски онъ его не взялъ и остался лишь съ Караемъ—полуназимовскимъ кобелемъ (которымъ прошлою осенью, когда тотъ скакалъ еще щенячью, почти однимъ, въ одну охоту затравилъ двухъ прибылыхъ волковъ, но затѣмъ, зимою, около Оренбурга протравилъ матераго, котораго кобель нѣсколько разъ клалъ отлично: за удулами капитанъ поспѣть принять не могъ, волкъ

ушелъ и Карай сталъ брать въ гачи и неплотно) и молодымъ кобелемъ моихъ собакъ Грубіяномъ, который волка еще и не нюхалъ.

Въ бурьянахъ, не разглядѣвъ и принявъ волченка за зайца, Грубіянъ схватилъ его и, вмѣстѣ съ Караемъ, растянули было. Разобравъ же, что сей звѣрь не заяцъ, Грубіянъ отскочилъ, предоставивъ дѣйствовать одному Караю, который подрывая за гачи нѣсколько разъ опять задерживалъ звѣря; капитанъ, соскочивъ съ сѣдла, ухватить волка за ногу не поспѣлъ, коня упустилъ, и тотъ, вслѣдъ за волкомъ съ собаками, скрылся въ колкѣ и всѣ словно въ воду канули.

Съ другой стороны я и сынъ квартирнаго хозяина толконули во всѣ поводья на помощь, но даже не перевидѣли.

Въ цѣпи раздались выстрѣлы, послышался гонъ и на правой опушкѣ—улюлюканіе.

Подвигаясь на рысяхъ впередъ, вижу—Юличъ поскакалъ, но скоро остановился и, повидимому въ недоумѣніи, сталъ вертѣться по когурманамъ.

Одинъ изъ волковъ выскочилъ на Острожникова и тотъ его убилъ. Другой долго сидѣлъ на бугоркѣ противъ Юлича и когда тотъ тронулся съ мѣста — исчезъ. Тотъ, котораго протравилъ капитанъ, въ кустахъ отдѣлавшись отъ собакъ, вышелъ на Карапета. Карапетъ сбросилъ собакъ, волкъ запалъ, собаки пронеслись и когда повернулись—волкъ былъ уже въ опушкѣ.

Ружейники убили еще лису и русака.

Слѣдующій день охотились въ болотистой мѣстности и потому гончія гнали.

Волковъ не нашли, по лисамъ стрѣляли неудачно.

Одну куму заполевали ружейники, 2 протравили борзятники (черезъ одну я буквально перескочилъ на лошади и то собаки не видали, вотъ какая чертовская мѣстность) и затравили одного русака. День былъ жаркій.

Недовольные охотой ружейники за закускою рѣшили въ ночь же ѣхать въ Ровное и пошабашили охоту по сему случаю рано.

Борзятники уже заровнялись было когурманами къ хутору, а ружейники укладывали ружья и усаживались въ фуры, какъ вдругъ раздался волчій вой и взорамъ всѣхъ представились волки, сидящіе вероты за полторы, а пожалуй и того меньше и задающіе концертъ.

Всѣхъ, конечно, охватила горячка.

Начался торопливый совѣтъ, что дѣлать: сейчасъ-ли набросить гончихъ или оставить до-завтра.

Рѣшили сейчасъ и чуть не бѣгомъ отправились становиться.

Я поѣхалъ съ ружейниками, а остальные борзятники пошли со стаей, чтобы потомъ заровняться по гончимъ.

Пока стрѣлки заходили или вѣрнѣе забѣгали, Адріанъ завылъ. Тамъ, гдѣ мы видѣли скрылись волки, они не отозвались, но за то нѣсколько голосовъ отликнулось передъ самыми стрѣлками.

Весь песокъ изрытъ. Логовы и слѣды—какъ словно только сію секундочку оставлены.

Какъ ни спѣшили, однако, когда набросили, стало уже смеркаться.

Вотъ ужъ и гончія видны.

Чу! выстрѣлъ и черезъ нѣсколько минутъ рогъ на вызовъ.

Спѣшу къ стрѣлкамъ въ полной увѣренности, что стрѣляли по волку и застаю ружейниковъ распекающими Острожникова, который убилъ тетерева.

Вой, видъ совершенно свѣженькихъ доказательствъ постояннаго присутствія волковъ въ этомъ мѣстѣ и видъ самыхъ волковъ такъ повліяли на ружейниковъ, что они рѣшили остаться еще на день.

Этотъ день, 25-го сентября, былъ еще жарче предъидущихъ. Песокъ раскалился, гончія не гнали окончательно.

Никто ничего не видалъ.

Уже передъ самымъ вечеромъ мы съ борзыми, оставивъ ружейниковъ брать колки по направленію къ хутору, поѣхали поровняться степью.

Поѣхалъ съ нами и сынъ квартирнаго нашего хозяина Тимофей Ивановичъ.

Не отъѣхали и полуверсты, какъ изъ-подъ Тимофея Иванова, въ одномъ изъ колковъ, вскочили два волка и побѣжали черезъ большую поляну на виду у меня.

Во весь махъ пустилъ было я свою Любушку, но скоро долженъ былъ укоротить скачку, такъ какъ молодежь моя, не видя звѣря, прыгала подъ самыми ногами,—того и гляди, что стопчишь которую.

Вотъ старушка Наградка помѣтила, вырвалась изъ-за лошади, по ней заложились молодыя, а я, уже во всю, сталъ обскакивать тотъ колокъ, къ которому спѣшилъ одинъ изъ волковъ (другой волкъ вернулся назадъ въ тотъ же колокъ изъ котораго выскочилъ).

Какъ на грѣхъ случилась лощинка, Наградка видѣла волка въ тотъ моментъ, какъ онъ выбирался изъ лощинки и опять могла увидать, лишь когда и сама миновала бы ее.

Еще нѣсколько скачковъ и сѣрый оказался бы на виду у собакъ, но въ это самое время одна изъ молодыхъ оборнулась въ мою сторону и видя, что я скачу не за ними, всѣми ногами бросилась ко мнѣ, за нею бросилась и другая, за ними Наградка, опять стали прыгать въ ногахъ лошади и опять пришлось укоротить скачку, вслѣдствіе чего когда обскакалъ колки, то оказалось, что волкъ проскочилъ раньше.

Въ ночь ружейники уѣхали въ Ровное, а мы 26-го передневали, около самаго хутора убили изъ-подъ загонщиковъ 5 русаковъ, 27-го и сами двинулись во свояси.

Весь вечеръ съ 26-го на 27-е волки такіе концерты задавали сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, кругомъ хутора, что у трусливаго человѣка волосы могли стать дыбомъ.

— Да! острамились, да какъ еще острамились-то! теперь домой хоть и глазъ не кажи — ворчалъ Адріанъ, влѣзая на своего охромѣвшаго мерина — въ евтой азивѣ по чернотропу ничаво не подѣлаешь, вотъ въ порошу дѣло другое, то-ли и гончихъ-то не надо!

В. Дмитріевъ.

Д. Рокотовка.
25 декабр. 84 г.